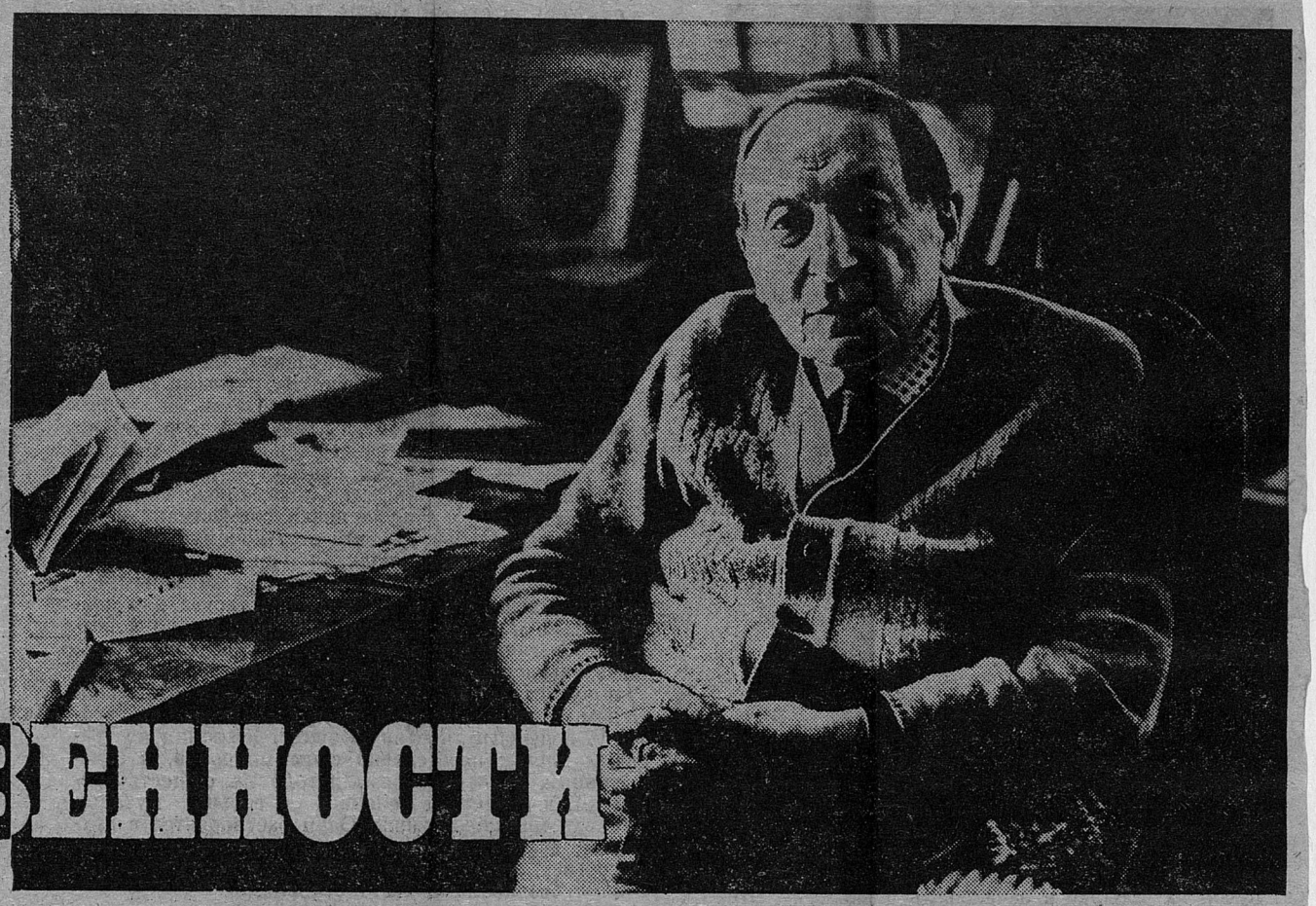
РЯДОМ С МАСТЕРОМ

К 85-летию Вениамина КАВЕРИНА

УРОКИ НРАВСТВЕННОСТИ



Вениамин КАВЕРИН. Переделкино, апрель 1987 г.

Фото С. ФУРМАНА

Помню нашу первую встречу как ярчайшее событие в моей жизни. Я только начинал писать, и мои первые рассказы должны были обсуждаться в Доме литераторов. В то время я ни с кем еще из писателей не был знаком, рассказы мои попали в Союз писателей через литобъединение автозавода имени Лихачева, где я работал в многотиражке. Мне сказали, что со мной хочет поговорить писатель Каверин, который, как член комиссии, читал мои рассказы и будет выступать с их разбором.

Писатель Каверин? Я был потрясен, когда мне сказали, что да, это тот самый Каверин, автор «Двух капитанов».

Чтобы понятно было мое состояние, я должен, пожалуй, объяснить, чем была для меня тогда эта книга.

Впервые я прочитал ее, когда мне было четырнадцать лет. Это было в конце сороковых годов. Я учился в суворовском училище и очень хорошо помню, как мы, воспитанники, читали ее. У нас был только один экземпляр, а желающих прочитать — больше ста человек. Мы читали книгу по очереди, а чтобы одновременно могло читать несколько человек, расшили ее на небольшие тетрадки.

Впечатление было такое, как будто то, что произошло в жизни Сани Григорьева, произошло со мной самим. Это я нашел почтальонскую сумку с таинственными письмами о шхуне, затерявшейся во льдах Арктики, я познакомился с семейством Татариновых, я поклялся отыскать следы экспедиции капитана Татаринова и в конце концов отыскал их. Друзья Сани были моими друзьями, его враги — моими врагами. И долго после этого, многие годы, герои книги оставались для меня своеобразным эталоном, меркой, по которой я оценивал окружающих людей и выверял свои собственные поступки...

Потом были и другие встречи с Кавериным. Он предложил приносить ему на прочтение все написанное мною, я стал часто бывать у него дома. Он оказался очень приветливым, общительным человеком, его дом всегда был открыт для гостей. Мы подружились.

У Германа Гессе в «Игре в бисер» достопочтимый Магистр музыки приобщал к искусству своего ученика Иозефа Кнехта примером собственного отношения к делу. Он был убежден, что личностное воздействие учителя в конечном счете важнее, может дать ученику больше, чем книги, теории, обучение технике дела. Источник абсолютного знания — в живом человеке, а не в понятиях и книгах. «Истина должна быть пережита, а не преподана».

Несколько дней назад, побывав у Каверина, я напомнил ему это место из романа Гессе. Вениамин Александрович, кивнув, сказал:

— Меня так учили Горький и Тынянов.

Мы заговорили о поре его ученичества, о его учителях.

— Технике письма никто меня никогда не учил, — сказал Каверин. — Это, видимо, и не так нужно. Важнее, чтобы учитель поверил в ученика, ученик в таком случае может сделать много больше, чем от него ожидается. Горький призывал молодых писателей быть непохожими друг на друга, не отказываться от своего права на новое слово в литературе.

— А Тынянов?

— С Тыняновым отношения были иные. Он был абсолютно непохож на меня, иногда подсмеивался надо мной. Но у него я учился рыцарскому отношению к литературе.

Хочу дополнить эти слова Каверина его же словами, написанными двадцать лет назад: «Я не верю, что можно научить писать, и убедился в этом на примере собственной жизни. Но можно убедительно показать, как важна нравственная позиция писателя и какую роль она играет в практической ежедневной работе».

Каверин писал это, как бы еще примериваясь к роли литературного наставника, учителя, еще не уверенный в том, сможет ли он быть для молодых писателей тем, чем были для него самого его великие учителя. Сомнения эти вызывались, конечно, повышенной мерой требовательности к себе. Возле него всегда было много литературной молодежи, почти в каждый свой приезд к нему я находил на его письменном столе новую рукопись молодого автора. Вероятно, не одному десятку начинающих писателей успел он дать к тому времени жизненно важный совет.

Чему учились у Каверина мы, начинавшие в литературе?

Помню, какой радостью было для меня обнаружить, когда я несколько ближе узнал Каверина как человека, что он удивительно похож на свой роман. Главным свойством характера Каверина как человека и писателя оказалось стремление к правде и молодое романтическое отношение к своему призванию и к самой жизни. Невольно приходилось задумываться о собственном отношении к жизни, к литературе.

Меня всегда восхищала и восхищает в Каверине необычайная, страстная сопричастность всему, что происходило и происходит вокруг — в стране, в мире, в литературе, готовность в любой миг вмешаться в события, куда-то ехать, о чем-то хлопотать, если того требуют его гражданский долг или интересы литературы.

В конце пятидесятых годов вышла в свет его повесть «Семь пар нечистых», книга из числа тех, которые смело вводили в литературу новые, небывалые прежде темы и характеры, учили высшей справедливости. В ярких и острых многочисленных публичных выступлениях, в литературно-критических и публицистических статьях, печатавшихся в «Новом мире» Твардовского, Каверин страстно ратовал за раскрепощение литературы, освобождение ее от схематизма и пустозвонства, за честность и полноту правды в изображении жизни, многообразие форм, направлений, многосложность литературного процесса. И еще. Немало сделал в то время Каверин для того, чтобы возвращены были литературе и народу имена и книги Булгакова, Зощенко, Пастернака, Мандельштама.

Удивительна литературная судьба Каверина. Легкой ее не назовешь, хотя книги Каверина теперь, что называется, широко издаются, переиздаются, почти каждый год он печатает что-то новое, его знают и любят читатели во всех уголках нашей страны и во многих других странах, по его книгам снимаются фильмы, телесериалы. Но ведь были годы, когда его не издавали, когда написанное им подчас подвергали тенденциозным обвинениям. Все было в его жизни. А он, несмотря ни на что, упрямо делал свое дело и не изменил своему призванию. «Я не менялся никогда», — сказал он при мне однажды с гордостью, на которую имел полное право. Такого рода уроки поважнее тех, когда учат, сколько причастных оборотов может вытерпеть страница художественного текста.

Впрочем, и за уроки по технике письма я благодарен Каверину. Одним из первых открытий, которые я сделал для себя, было такое: не следует «дрожать» над каждой написанной фразой, страницей, сценой, писать надо раскованно; если фраза споткнулась о какое-то слово, лучше десять раз переписать фразу и каждый раз по-новому, чем топтаться в поисках «единственно нужного» слова. Интересно и поучительно было наблюдать, как он совершенствовал свои тексты. На моих, так сказать, глазах он дважды переделывал «Исполнение желаний», основательно редактировал «Открытую книгу», чуть ли не на треть сократил «Двух капитанов», когда готовил английское издание романа, свободно менял фабульные и сюжетные линии, когда работал над сценариями по этим книгам.

В то время, когда мы познакомились, Каверин осваивал новый для себя способ писания, как сам он его называет — «соборный». Каждую новую рукопись он давал на чтение сразу нескольким друзьям и внимательно прислушивался к их приговорам. Но, конечно, принимая советы друзей, оставался при этом самим собой. Случалось и мне быть в числе его первых читателей и критиков. Это была хорошая школа — наблюдать, как постепенно менялась рукопись, превращаясь в книгу под рукой Мастера...

Что нужно для того, чтобы стать писателем? «Талант, конечно. Но кроме таланта нужна еще способность заставить себя выразить талант», — ответил однажды на извечный вопрос «молодых» Каверин. Сам он эту способность вырабатывал в себе в ранней молодости.

Удивляюсь и завидую его собранности, правильному распорядку дня, умению продуктивно работать ежедневно, несмотря ни на какие помехи. А помех у него, на мой взгляд, слишком много. Каждый день в доме — гости, без которых он не представляет себе свою жизнь, бесконечно звонит телефон, никогда не выключаемый, звонят из редакций, из Союза писателей, звонят знакомые и незнакомые люди, и у всех к нему дело, каждый день почтальон приносит пачки писем, на которые нужно без задержки ответить. Как при таком обилии встреч, разговоров, разнообразных дел ему удается сосредоточиться на писании? Я иногда спрашиваю его об этом, он пожимает плечами: «Привычка. Сажусь за стол — сразу включаюсь в работу». Научиться бы так мгновенно переключаться...

Свое 85-летие Вениамин Александрович встречает полный сил и новых замыслов, в привычных хлопотах. За минувшую зиму он недурно поработал. Окончил повесть «Силуэт на стекле», в центре которой — трагическая судьба молодого талантливого, но непризнанного писателя. Написал новые статьи о Булгакове и Мандельштаме. Сдал в один из журналов статью о Пастернаке. В двух издательствах готовятся к выходу его книги: сборник рассказов последних лет, сборник критических статей, книга «Литератор. Письма и дневники»...

Перед тем как поставить точку под этими заметками, звоню Вениамину Александровичу, спрашиваю, как дела.

— Начал новый роман, — слышу его бодрый голос. — Порядочно уже написал. Приезжайте, почитаем...

Владимир САВЧЕНКО

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Правление Союза писателей РСФСР тепло поздравило с юбилейными датами:

Прозаика **Вениамина Александровича КАВЕРИНА** — с восьмидесятипятилетием.

Фольклориста и очеркиста **Наталью Павловну КОЛПАКОВУ** — с восьмидесятипятилетием.

Прозаика **Александра Федоровича ШИШОВА** — с восьмидесятипятилетием.

Литературоведа и критика **Александра Иосифовича ШИФМАНА (А. КОРАБЛЕВА)** — с восьмидесятилетием.

Прозаика и драматурга **Якова Иосифовича ВОЛЧЕКА** — с семидесятипятилетием.

Переводчика **Оксану КРУГЕРСКУЮ (Софью Семеновну)** — с семидесятипятилетием.

Критика **Ростислава Николаевича ЮРЕНЕВА** — с семидесятипятилетием.

Прозаика **Галину Прокопьевну АНДРИАНОВУ** — с шестидесятилетием.

Прозаика и критика **Сергея Тимофеевича МАРЗОЕВА (Сергея МАРЗОИТЫ)** — с шестидесятилетием.

Поэта **Бориса Тимофеевича СИМОНОВА (РОССИЯНИНА)** — с шестидесятилетием.

Поэта **Виктора Петровича ЯКОВЕНКО** — с шестидесятилетием.

Прозаика **Виталия Александровича ЖИГАЛКИНА** — с пятидесятилетием.

Прозаика **Родиона Карловича РЕБАНА** — с пятидесятилетием.

***

Еженедельник «Литературная Россия» сердечно поздравляет юбиляров.